

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Р.К. ТАНГАЛЫЧЕВА

ПРОБЛЕМЫ АККУЛЬТУРАЦИИ ВРЕМЕННЫХ МИГРАНТОВ В КРУПНОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ: КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

Статья посвящена изучению культурных различий в ходе эмпирического исследования проблем аккультурации временных мигрантов из зарубежных стран в крупном российском городе. В работе рассматриваются результаты качественного исследования на основе экспертных и групповых интервью. Основное внимание уделяется невербальным и паравербальным культурным различиям, зафиксированным в процессе интерактивной видеосъемки и наблюдения за поведением временных мигрантов из зарубежных стран.

Ключевые слова: культурные различия, временные мигранты, аккультурация, крупный российский город, невербальная и паравербальная коммуникация.

Под аккультурацией понимают все те явления, которые возникают в результате вхождения индивидов, обладающих разными культурами, в непрерывный непосредственный контакт, вызывающий последующие изменения в изначальных культурных паттернах одной из групп или их обеих [4, с. 149]. Задачей данной работы является рассмотрение культурных различий, обнаружившихся в ходе эмпирического

Тангалычева Румия Кямильевна — кандидат социологических наук, доцент факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. **Адрес:** 193060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, факультет социологии СПбГУ. **Телефон:** (812) 274-41-12.

Электронная почта: Rimma98@yahoo.com

¹ Проект «Культурный ассимилятор как средство адаптации иностранных граждан в российском мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга)» реализован на Факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета при поддержке Администрации Санкт-Петербурга, государственный контракт № 230/08 от 05.11.2008 г.

исследования проблем аккультурации временных мигрантов в крупном российском городе (2008 г.).

Предметом исследования стала межкультурная коммуникация мигрантов из зарубежных стран с жителями Санкт-Петербурга, а также те проблемы и трудности, с которыми сталкиваются участники международного сотрудничества. Конечная цель исследования заключалась в подготовке тренинга повышения межкультурной восприимчивости «Культурный ассимилятор как средство адаптации иностранных граждан к жизни в российском мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга)». Тренинг предназначен для индивидуальной или групповой работы иностранных граждан с брошюрой или компьютерной программой. Он может быть также рекомендован жителям Санкт-Петербурга, вступающим в деловые и повседневные контакты с зарубежными партнерами².

Для сбора эмпирических данных использовались качественные методы — интервью экспертов, серия фокус-групп с иностранными гражданам, а также личные наблюдения членов исследовательской группы. В исследовании приняли участие 70 человек, представляющих 32 страны. Наибольшее количество участников — жители западных стран (27 человек), прибывшие из Австралии, Германии, Гватемалы, Испании, Канады, Италии, Нидерландов, Румынии, США, Финляндии и Франции. Кроме того, к этой группе были отнесены выходцы из бывших прибалтийских республик Советского Союза — Латвии, Литвы и Эстонии. Вторая по численности группа участников представлена приезжими из СНГ (21 человек). Они приехали из таких стран, как Армения, Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Группа восточных участников (9 человек) включает жителей Вьетнама, Китая, Южной Кореи и Японии. Африканский континент (8 человек) представлен приехавшими из Камеруна, Гвинеи, Марокко и Мозамбика. И, наконец, в исследовании приняли участие 4 россиянки — жены иностранных граждан, проживающих в Санкт-Петербурге.

Временные мигранты представлены 44 мужчинами и 26 женщинами, из них по регионам: Восток — 7 мужчин и 2 женщины, Запад — 18 мужчин и 9 женщин, СНГ — 13 мужчин и 8 женщин, Африка — 6 мужчин и 2 женщины. Россия представлена 4 женщинами — супругами иностранцев, проживающих в Санкт-Петербурге. Возраст участников составил от 17 до 59 лет.

В исследовании приняли участие работники иностранных, совместных и российских компаний и дипломатических служб, преподаватели иностранных языков, студенты, аспиранты, лица, состоящие в

² Результаты разработки тренинга представлены автором в статье [1].

браке с иностранными гражданами, а также вынужденные мигранты, которые приехали в Санкт-Петербург с целью поиска лучших условий жизни и заработка. Почти все они более или менее хорошо говорят по-русски. Исключение составили лишь некоторые высококостатусные работники иностранных компаний (у них интервью было взято на английском языке) и несколько молодых гастарбайтеров из Средней Азии, которые окончили школу после распада Советского Союза.

В качестве экспертов, имеющих обширный опыт коммуникации в разных культурах, были привлечены высококвалифицированные работники иностранных компаний и дипломатических служб, а также некоторые аспиранты. Было проинтервьюировано 10 иностранных преподавателей, работающих в разных учебных заведениях Санкт-Петербурга и преподающих свои национальные языки. Метод индивидуальных интервью имеет определенные преимущества по сравнению с групповым методом: организаторы исследования сами приезжали к информантам в удобное для них время и место. Кроме того, некоторые информанты, несмотря на то, что живут в России несколько лет, не владеют русским языком, поэтому индивидуальные беседы можно было вести на английском языке. Всего получено 25 экспертных интервью.

На этапе сбора эмпирических данных проведено шесть фокус-групп. Для сравнения полученных данных все участники исследования — информанты — были разделены на следующие основные категории: (1) иностранные студенты, аспиранты, обучающиеся в вузах Санкт-Петербурга (две группы); (2) работники иностранных компаний, организаций, дипломатических служб (две группы); (3) вынужденные трудовые мигранты (одна группа); (4) лица, состоящие в смешанных браках (одна группа).

Легче всего было собрать группы студентов, многие из которых с интересом отнеслись к идее социологического исследования. Они слышали об анкетных опросах, но им не доводилось ранее принимать участие в групповых интервью. Некоторые из них, получив приглашение для участия, согласились поговорить со своими знакомыми студентами, и, собственно, сами помогли найти участников.

То же можно сказать и о представителях смешанных браков. Исследователи с самого начала планировали организовать фокус-группу с россиянками, состоящими в браке с иностранцами, поскольку женщины охотно делятся информацией о своей личной жизни, тем более если она касается межкультурных различий. Эта фокус-группа была наиболее продолжительной, и участницы-информантки даже соглашались остаться подольше для того, чтобы поделиться своими впечатлениями о жизни в межэтническом браке. Некоторые из них ввиду

ограниченности времени фокус-группы (1,5–2 часа) были готовы дополнительно дать индивидуальное интервью, чтобы пополнить данные исследователей.

Организационные трудности были связаны с проведением интервью квалифицированных и неквалифицированных работников-иностранцев. Часть высокопоставленных информантов, заранее дав согласие, накануне интервьюирования позвонили и сообщили о том, что не смогут прийти. С такого рода сложностями исследовательская группа столкнулась в контактах с южнокорейскими партнерами и всеми иностранцами, работающими в дипломатических службах, кроме армянских и киргизских коллег. На наш взгляд, такие отказы можно объяснить следующими обстоятельствами. Во-первых, групповые интервью, в отличие от индивидуальных, проводились на русском языке. Часть информантов, которые не владели в совершенстве русским языком, постеснялись присоединиться. Во-вторых, большинству работников дипломатических служб по роду служебной деятельности не рекомендуется давать интервью и делиться теми трудностями, которые они испытывают в ходе погружения в контекст иной культуры. В-третьих, представители восточных культур в принципе не склонны делиться своими проблемами, то есть испытывают известный страх «потерять лицо» (репутацию) в глазах партнеров. Данное обстоятельство не относится к выходцам из бывших советских республик.

Самые большие трудности исследовательский коллектив испытал при организации фокус-группы с низкостатусными, или вынужденными, мигрантами (гастарбайтерами). Поскольку представители данной категории иностранцев приезжают в Санкт-Петербург с узко прагматическими целями — заработать денег и воспользоваться той разницей в оплате труда, которая существует в России и их странах, они не склонны вообще воспринимать какие бы то ни было проблемы аккультурации и адаптации как реально существующие для них. Они живут своими довольно замкнутыми сообществами и имеют весьма узкие контакты с местными жителями, ограниченные рамками специфической функциональности — подвоз пассажиров или грузов, разгрузка товаров, торговля и др. Исследовательский коллектив обратился за помощью в одну из компаний, в которой работают гастарбайтеры, для того чтобы обеспечить их участие в групповом интервью.

В результате было проведено шесть фокус-групп с общим числом участников — 45, из них 17 чел. — из стран СНГ, 10 чел. — из стран Западной Европы и США, 6 чел. — из Китая, 7 чел. — из Африки и 4 россиянки, состоящие в браке с иностранцами. В исследовании приняли участие 27 мужчин и 18 женщин. Их возрастной диапазон — от 19 до 54 лет.

В студенческих фокус-группах приняли участие 18 человек: 12 в одной группе и 7 — в другой. В первой фокус-группе участвовали студенты из Китая (3 чел.), Марокко (5 чел.), Гвинеи (1 чел.), Латвии (1 чел.), Эстонии (1 чел.) и из Литвы (1 чел.). Они учатся на разных факультетах Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургской химико-фармацевтической академии и Ленинградском электротехническом институте. Все они живут в Санкт-Петербурге не менее трех лет. Во второй фокус-группе приняли участие студенты из Эстонии (1 чел.), Грузии (2 чел.), Азербайджана (1 чел.), Белоруссии (1 чел.) и из Китая (2 чел.). Все они — студенты разных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета. Студенты из бывших республик Советского Союза бывали в России и до учебы в университете и, соответственно, хорошо знают местную культуру, и, напротив, два студента из Китая приехали в Санкт-Петербург только год назад.

В фокус-группах работников иностранных компаний, организаций и дипломатических служб приняли участие 14 человек — по 7 в каждой. В первой фокус-группе участвовали преподаватель французского языка из Франции, аспирант СПбГУ из Киргизии, заместитель почетного консула Киргизской республики в Санкт-Петербурге, сотрудник американской фирмы из США, член Африканского совета по коммерции в Санкт-Петербурге из Камеруна, преподаватель этики из США, преподаватель и переводчик из Германии. Во второй фокус-группе приняли участие стажер из Германии, стажер-исследователь из Италии, стажеры-исследователи из Туркменистана (2 чел.), сотрудники Генерального консульства Армении в Санкт-Петербурге (2 чел.) и коммерческий директор фирмы из Армении.

В групповом интервью вынужденных трудовых мигрантов приняли участие 6 человек: один из Киргизии, два из Узбекистана и три из Таджикистана. Все они работают в частной фирме грузчиками и водителями.

В групповом интервью представителей смешанных браков участвовали 6 человек. Все они, за исключением молдаванки, вступившей в брак с россиянином из Санкт-Петербурга, были местными жителями. Одна из них состоит в браке с уроженцем Гватемалы, вторая — с англичанином, третья — с белым выходцем из ЮАР, четвертая — с жителем Армении. Кроме того, к этой группе присоединился аспирант из Китайской народной республики, женатый на русской.

Фокус-группы со студентами, высококвалифицированными работниками-иностранцами и членами смешанных браков дали богатый материал для конструирования общих культурных ассимиляторов. Стоит отметить, что российские участницы — жены иностранцев и выходцы из бывших республик Советского Союза, свободно говорящие

по-русски, предоставили много ценной информации. Что же касается иностранцев из западных и восточных культур, то они были менее активны в плане четкости изложения своих наблюдений и ощущений, но вместе с тем весьма полезны в плане предоставления наиболее ярких примеров межкультурных различий. Особенно богатый материал предоставлен представителями западных стран — США, Германии, Италии, Франции. Иностранцы из Китая и африканских стран были не столь открыты. Объяснить некоторую закрытость китайских участников можно, вероятно, их нежеланием публично обсуждать конфликты и демонстрировать свои сложности. В случае с африканскими участниками можно сказать, что они вынужденно приспособились к определенным проявлениям бытового расизма и этноцентризма со стороны части местного населения и, взвесив все «за» и «против» своего пребывания в Санкт-Петербурге, приняли для себя решение не говорить слишком открыто и эмоционально о своих проблемах.

Среди основных сфер, в которых студенты-иностранцы сталкиваются с трудностями межкультурной коммуникации, оказалась бюрократическая, связанная с оформлением визовых документов, документов для вида на жительство, места в общежитии и т. д. Студенты активно высказывались по поводу проведения досуга — совместных походов в кино, театры, клубы, рестораны, кафе. Вызвал интерес и сюжет гендерных различий между молодыми представителями разных культур.

Самой сложной в плане «вытягивания» информации оказалась группа низкостатусных работников. Поскольку почти все они были из одной организации, часто за всех говорили мужчины, взявшие на себя роль лидеров. Ситуации, ставшие материалом для конструирования культурных ассимиляторов, оказались связанными не столько с рассказами и историями участников, сколько с их непониманием самих вопросов, представлявшихся им, скорее всего, надуманными и малоинтересными. Примером такого рода может послужить следующий эпизод. Когда модератор, следуя гайду интервью, остановился на вопросе различий во внешнем облике местных жителей — петербуржцев и жителей среднеазиатских стран, то реакция одного из участников оказалась неожиданной. Он всплеснул руками и сказал: *«Послушайте, для восточного мужчины одежда вообще не имеет никакого значения. Для нас главное — это построить дом, женить сына и достойно похоронить родителей. О чем вы здесь говорите?»*. Многие из них, как выяснилось, получают здесь в Санкт-Петербурге заработную плату в размере 15–20 тыс. рублей, что гораздо больше, чем в их странах, особенно с учетом того, что там часто вообще нет оплачиваемой работы. Поэтому для выходцев из Средней Азии главное — это скопить денег и уехать обратно домой, где их ждут многочисленные

родственники. Ни один из участников интервью не сказал, что хотел бы остаться навсегда в Санкт-Петербурге. Видимо, этой функциональной особенностью их вынужденного пребывания и объясняется отсутствие у них вербальной рефлексии по поводу межкультурных различий.

В процессе группового интервьюирования проводилась интерактивная видеосъемка, позволившая сфокусироваться не только на вербальных заявлениях участников, но и на невербальных различиях. Вербально зафиксированные трудности межкультурной коммуникации в массе своей легли в основу конструирования культурных ассимиляторов. В данной работе подробнее остановимся на характеристике невербальных и паравербальных особенностей носителей разных культур.

Невербальная коммуникация представляет собой такую ее разновидность, в которой коммуникативный акт осуществляется не на основе звуковой речи, а при помощи невербальных средств. К ним относятся элементы, описываемые категориями кинесика, такесика, сенсорика, проксемика и хронемика. Паравербальные средства коммуникации представляют собой совокупность звуковых сигналов, которые сопровождают устную речь, привнося в нее дополнительные значения, — интонация, особенности голоса, темп, скорость речи, кашель, молчание, смех.

Современная история исследований в области невербальной и паравербальной коммуникации началась с выходом книг Р. Бердуистелла «Введение в кинесику» (1952) и Э. Холла «Немой язык» (1959). Эти антропологи впервые применили к невербальным явлениям некоторые принципы лингвистики, а также ввели названия для наук о телодвижениях (кинесика) и пространстве (проксемика) и разработали программу исследований в каждой из этих областей [2, с. 578].

Обратимся к анализу находок в области невербальной коммуникации, обнаруженных в ходе эмпирического исследования.

Кинесика

Элементами кинесики являются жесты, мимика, позы, походка, обмен взглядами. Следует заметить, что все участники интервью вели себя достаточно раскованно, много улыбались, обменивались взглядами и умеренно жестикулировали.

Представители западных культур и выходцы из бывших республик Советского Союза много и открыто улыбались. Американцы, француз, немцы, итальянец и камерунец много и громко смеялись. Выходцы из бывших советских республик много улыбались, когда говорили о том, как было в советское время: почти все информанты среднего и старшего возраста с удовольствием и уважением вспоминали советские времена, когда «все жили вместе», «не было границ»

и «люди умели дружить». Представители восточных культур (китайцы) скорее улыбались из вежливости, потому что не всегда понимали сути дискуссии из-за быстроты речи тех, кто свободно владеет русским языком.

Обратим внимание на позы участвующих в дискуссии. Представители западных культур, как правило, сидели более раскованно, — развалившись на стуле, опираясь на спинку соседнего стула, — закидывали руки за голову, выставляли ноги вглубь стола или, напротив, отодвинувшись от стола, закладывали одну ногу на другую. Представители восточных культур были более сдержаны: сидели скромно с прямой осанкой, занимали меньше места в общем пространстве. Вероятно, данное различие можно понять на основе критерия «дистанция власти» Г. Хофстеде [3]: «люди Востока» пришли на официальное мероприятие солидной организации — Санкт-Петербургского государственного университета. «Люди Запада» восприняли данное приглашение как разновидность проведения своего досуга: все они отнеслись к проводимому мероприятию как познавательному досугу. Один участник — преподаватель английского языка и этики из США — даже пришел на групповое интервью с полуторогодовалым ребёнком, что немного отвлекло модератора и других участников дискуссии. Однако следует отметить также и высокую степень сознательности и концентрации усилий западными участниками интервью, то есть они старались не отвлекаться от темы обсуждения и не показывали своего недовольства по поводу мешающего обстоятельства.

Когда западные участники дискуссии высказывали свои мнения, они не обменивались зрительными контактами с другими участниками фокус-группы, не искали поддержки своего суждения со стороны модератора или других людей. Представители восточных культур часто прибегали к этой стратегии. Так, китайские участники часто, излагая свои наблюдения, как будто адресовали их своим соотечественникам, словно спрашивая: «*Как ты думаешь, это верно?*» Особенно это характерно для молодых участников дискуссии. Другой пример связан с поведением высокопоставленных армянских участников. Вспоминая советские времена, они все время пытались разговаривать друг с другом: «*Ты помнишь?*» Отчасти это может быть связано не со спецификой их культуры, а с самоидентификацией по возрастному признаку, так как остальные участники данной фокус-группы, за исключением модератора, практически уже не помнили советских времен или были из других стран. Группа вынужденных мигрантов вообще избегала каких бы то ни было контактов глаз: многие из них отнеслись к участию в дискуссии как к дополнительной непонятной для них обязанности, которую им следует функционально выполнить.

Такесика

Этот элемент невербальной коммуникации связан с разнообразными видами прикосновений в ходе межличностного общения: рукопожатия, поглаживания, похлопывания, объятия, поцелуи и т. д. Также он свидетельствует о том, насколько близко могут располагаться участники коммуникации друг к другу.

В ходе интерактивной видеосъемки были отмечены следующие различия в поведении участников. Прежде всего, все западные участники, а также высокопоставленные гости — работники дипломатических служб и иностранных компаний и организаций — всегда пожали руки друг другу и организаторам проекта. Некоторые иностранцы из западных стран, знавшие друг друга до посещения факультета социологии, обнимались при встрече и прощании. Это, на наш взгляд, свидетельствует о высоком коэффициенте эмоционального развития этой категории участников, который, в отличие от коэффициента интеллектуального развития, меняется в лучшую сторону благодаря личным усилиям человека. Конечно же, человек выигрывает в деловом и личном общении, если проявляет некоторую эмоциональную открытость, благодаря которой может стимулировать своих партнеров к более интенсивной и продуктивной коммуникации.

Вместе с тем, как уже отмечалось выше, западные гости занимали больше пространства за столом во время групповой дискуссии, практически не обращались к другим участникам за поддержкой, когда высказывали свое личное мнение или суждение. Представители восточных культур (китайцы, выходцы из азиатских государств — бывших республик Советского Союза) сидели вместе друг с другом в довольно тесном пространстве: они добровольно размещались таким образом, хотя за столом было достаточно места, чтобы рассесться свободнее.

Никто из представителей вынужденных мигрантов или студентов не прибегал к рукопожатию, напротив, когда организаторы проекта попытались пожать им руки, они восприняли это с удивлением и дистанцировались. Отчасти это, может быть, связано с их возрастом — многие из них были сравнительно молодыми (до 30 лет), и им было неудобно применять жесты статусного равноправия.

Сенсорика

К элементам сенсорики относится восприятие человеком запаха, цвета, звука. Также в рамках этого элемента невербальной коммуникации рассматриваются различия в национальных кухнях и манера одеваться. В ходе интерактивной видеосъемки были отмечены некоторые детали в восприятии людьми цвета и звука, а также в манере одеваться.

Что касается цвета, то он, прежде всего, проявился в одежде участников. Студенты, русские жены иностранных граждан были одеты в обычную цветовую гамму, ничем не выделяющуюся из контекста городской цветовой культуры. Основные различия были замечены в цветовой гамме одежды участников из западных стран, а также вынужденных мигрантов. Первые были одеты довольно ярко и разноцветно: в их одежде присутствовали самые разные цвета и фактуры тканей. Можно даже сказать, что они выглядели ярче студентов и российских жен иностранных граждан. Вторые, напротив, были одеты во все черное или темно коричневое с головы до ног — черные ботинки, черные брюки, черные рубашки и черные куртки. В сочетании с черными волосами, глазами и слегка темным цветом кожи это производило впечатление явного отличия и выпадения из цветовой гаммы Санкт-Петербурга. Если бы отдельно действующий индивид был одет таким образом, то, может быть, он и не нарушил бы общей картинки восприятия, однако их было шестеро и все они, хотя и выглядели опрятно, представляли собой большое темное пятно в общем плане зрительного восприятия. Вероятно, именно поэтому они были задержаны у входа на факультет и даже выдворены за его пределы. Представители Средней Азии в количестве шести человек произвели подозрительное впечатление на работников охраны: их внешний вид сильно отличался от наружности преподавателей и студентов, хотя пятеро из них были одного возраста со студентами, обучающимися на факультете, а один вполне мог сойти за молодого преподавателя.

Поскольку фокус-группы проводились в специально оборудованном для этого центре, рядом с помещением, в котором сидели модератор и участники, располагалась комната за стеклом (зеркалом), в которой находились инженер звукозаписи и наблюдатели — руководитель проекта и исследователи. Иногда приходилось открывать эту дверь комнаты за стеклом для того, чтобы передать записки с замечаниями или рекомендациями модератору или предложить чай-кофе участникам дискуссии. Эта дверь заметно скрипела. Следует заметить, что участники всех дискуссионных групп, кроме одной, не реагировали на этот скрип — они были увлечены темой обсуждения. Исключением стала лишь фокус-группа вынужденных мигрантов, которые постоянно с опаской оглядывались на то, что происходит у них за спиной. Может быть, высокий уровень подозрительности и недоверия, а следовательно, и нежелания вербально и невербально раскрепоститься связаны с особенностями жизни этой категории людей в российском мегаполисе (Санкт-Петербурге). Как отмечалось, вынужденные мигранты живут в довольно замкнутом сообществе, общаясь главным образом с членами своей диаспоры по месту жительства и

товарищами по работе. Основная цель их жизни и работы в Санкт-Петербурге — заработать и накопить денег и уехать обратно домой.

Стоит упомянуть еще об одном отличии между западными и восточными участниками исследования. Первые рассматривали данное мероприятие как вид познавательного досуга, поэтому они оделись так, как они обычно одеваются во время отдыха: на них были кроссовки, яркие рубашки и пуловеры, современные куртки. Ни один из них не пришел в галстуке или деловом костюме. Восточные участники (из Армении, Киргизии) пришли в формально-деловой одежде: мужчины были в солидных дорогих костюмах в сочетании с дорогими рубашками и галстуками, женщины — в деловой одежде с элементами модной фривольности. Судя по всему, они оценили участие в социологическом исследовании как часть их деловой активности. В этом различии обнаруживается, во-первых, разное отношение представителей различных культур к проводимому мероприятию и, во-вторых, неодинаковые манеры одеваться в целом. В западных культурах, особенно в США, принято одеваться в соответствии с ситуацией: повседневная, деловая, формальная, свободная одежда и т. д. В восточных культурах часто формальный и деловой стиль воспринимается как универсальный, подходящий для всех случаев жизни.

Проксемика

Проксемика — это использование пространственных отношений при коммуникации. Как уже отмечалось, представители западных культур сидели за столом на значительном расстоянии друг от друга: им надо было сохранить дистанцию на уровне вытянутой руки даже во время группового обсуждения. Представители восточных культур — китайцы и жители новых независимых государств, бывших республик Советского Союза, — сидели на очень близком расстоянии друг от друга, и, похоже, чувство локтя помогало им быть увереннее в себе и свободнее отвечать на вопросы модератора.

Хронемика

Хронемика — это использование времени в невербальном коммуникационном процессе. Необходимо отметить, что почти все групповые интервью начинались с опозданием примерно на полчаса. С одной стороны, это было связано с тем, что большинство участников приезжали на факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета в первый раз и не могли сразу найти нужное здание. С другой стороны, это объясняется удаленностью места проведения интервью от метро. Вместе с тем, отмечались и другие корреляции. Студенческие фокус-группы начинались почти всегда с небольшим опозданием — минут на 10, а фокус-группы с квалифицированными сотрудниками компаний и организаций всегда задерживались

на 35–40 минут, хотя студенты добирались на метро, а работники компаний, как правило, на автомобилях. Вероятно, можно сделать вывод о том, что достаточно высокий статус является фактором, который позволяет его обладателям опаздывать чаще, чем лицам с невысоким статусом.

В одной из фокус-групп с работниками компаний и организаций американский участник был вынужден уйти раньше времени, так как у него была назначена важная встреча, а групповое интервью началось с опозданием почти на 40 минут. Это свидетельствует о несклонности менять свои ранее намеченные планы по причине задержки предыдущего мероприятия, а следовательно, рациональной организации личного времени, когда эмоциональное состояние и интерес — американец был очень активен в течение интервью и проявлял интерес к теме обсуждения — не влияют на планирование и распределение времени. Российские жены иностранных граждан, проживающие в Санкт-Петербурге, напротив, потратив на обсуждение более двух часов, были готовы остаться и продолжать разговор о межкультурных особенностях смешанного брака. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что эмоциональная включенность молодых российских женщин в тему дискуссии может, в принципе, повлиять на их отношение ко времени. Напомним, что фокус-группа с представителями смешанных браков проводилась в субботу во второй половине дня, и замужние женщины готовы были остаться еще на час-другой в социологическом центре ради интересного общения.

Паравербальная коммуникация

Паравербальные средства коммуникации представляют собой совокупность звуковых сигналов, которые сопровождают устную речь, привнося в нее дополнительные значения, — интонация, особенности голоса, темп, скорость речи, кашель, молчание, смех.

Естественно, что самой динамичной была фокус-группа с российскими женами иностранных граждан, временно проживающих в Санкт-Петербурге. Во-первых, интенсивность обсуждения зависела от того, что для всех участниц группы, за исключением единственного мужчины-китайца, русский язык был родным. Они говорили быстро, эмоционально, содержательно и грамотно. Во-вторых, тема обсуждения — межкультурные особенности смешанных браков — очень понравилась участницам обсуждения, так как многие женщины являются большими охотницами до разговоров о личной жизни: они с удовольствием делятся своими наблюдениями и опытом и слушают рассказы других женщин, оказавшихся в сходных жизненных ситуациях. Молодые россиянки активно пользовались всей совокупностью паравербального арсенала: смеялись, разыгрывали сюжеты в ролях, говорили очень быстро или, напротив, медленно, если хотели

подчеркнуть детали своего рассказа. Все это, безусловно, повлияло на то количество и качество эмпирического материала, который оказался в распоряжении исследовательской группы.

Интересными также стали фокус-группы с работниками иностранных компаний, организаций и дипломатических служб. Отчасти, видимо, это можно объяснить более солидным и разнообразным жизненным опытом этих людей по сравнению со студентами или вынужденными трудовыми мигрантами. Участники дискуссий из западных стран много шутили, громко смелись, пытались привести как можно более забавные примеры из своего опыта адаптации к культуре российского мегаполиса. Можно уверенно констатировать, что западные участники исследования в целом являются представителями так называемых «громких культур», то есть много и громко говорят. Черта американцев громко говорить вызвана тем обстоятельством, что очень часто для них не имеет никакого значения, слушают их или нет. Для них гораздо важнее показать свою компетентность и открытость. Европейцы, которые приняли участие в групповой дискуссии — французы, немцы, итальянцы — отличались хорошо развитой способностью направлять свою речь прямо на модератора и при этом учитывать не только уровень шума, но и расстояние.

Представители восточных культур, особенно китайской, напротив, продемонстрировали низкий уровень громкости. Они говорили довольно тихо, часто приходилось прислушиваться к их ответам и даже просить других участников быть потише, чтобы расслышать мнения говорящих. Жители восточных государств, бывших республик Советского Союза, — Армении, Киргизии, Грузии, Азербайджана, Туркменистана — тоже говорили с помощью мягких интонаций со средней скоростью речи и средней громкостью. Однако часто они теряли нить, связывающую с модератором, и обращались в ходе дискуссии друг к другу, отвлекались от основной цели мероприятия, высказывая свои пространственные суждения по поводу жизни за границей.

Самой молчаливой оказалась группа вынужденных трудовых мигрантов: часто в обсуждении этой группы появлялись паузы и заминки. Лучше всего участники этой группы реагировали на простые вопросы, посвященные описанию их условий жизни. Также они проявляли активность, когда в обобщенных характеристиках говорили о специфике своих культур: «у нас принято уважать старших и родителей», «у нас жена подчиняется мужу». Однако как только модератор пытался перевести разговор в сторону конкретных примеров, связанных с различиями культур, в атмосфере зависала пауза, и модератору приходилось переводить тему разговора на новый сюжет и начинать с самых азов. Продолжительные паузы и молчание, на наш взгляд, свидетельствуют о недостаточно развитом навыке вербализации идей,

присущем данной категории участников; они в силу специфики своей жизни и мировоззрения являются носителями «ограниченного речевого кода», когда многое не договаривается в надежде на то, что слушающая сторона хорошо осведомлена по поводу обсуждаемого вопроса. На самом же деле остается только догадываться о том, что же имел в виду говорящий.

Подводя итоги рассмотрению культурных различий, приведем два примера из личных наблюдений, зафиксированных в ходе эмпирического исследования. Эти примеры иллюстрирует то, как люди с разным культурным опытом по-разному приспосабливаются к социокультурной среде принимающего общества и как их культурный опыт влияет на характер аккультурации.

Пример 1. В переполненной маршрутке ехали пассажиры. На остановке девушка попыталась открыть дверь и выйти, но дверь заело, и она не открывалась. Несколько пассажирок-женщин, сидящих недалеко от двери, попробовали помочь девушке, но у них тоже ничего не получилось. Рядом с дверью также сидел молодой человек, который почти не реагировал на происходящее. Пожилая пассажирка, сидевшая в самой глубине салона, не выдержала и стала требовать, чтобы молодой человек встал и открыл дверь для девушки. Молодой человек не сразу понял, что от него требуется, так как практически не понимал русского языка. Он недавно приехал на стажировку в Санкт-Петербургский государственный университет из США. Когда русская студентка, сопровождавшая его, перевела суть происходящего на английский язык, американец остался сидеть на своем месте и не помог девушке. В результате водитель, ругаясь и кряхтя, вышел из автобуса и открыл дверь снаружи.

Пример 2. В один из дождливых петербургских дней пассажиры ехали в маршрутке по Университетской набережной. Неожиданно двигатель автобуса заглох, и водитель не смог его завести. После нескольких попыток он был вынужден попросить пассажиров пересесть на следующий автобус, следовавший по тому же маршруту. Пассажиры, среди которых был и молодой японец-аспирант, нехотя вышли и оказались под проливным дождем. Через какое-то время подошел следующий автобус. Первым у входа оказался японский аспирант, за ним стояли пять-шесть женщин. Японец галантно открыл дверь и стал пропускать всех женщин в автобус. В результате, пропустив последнюю даму, он оказался стоять на улице — в автобусе для него не хватило места.

В первом случае молодой американец действовал на основе ранее усвоенных правил повседневного поведения, принятых в североамериканской культуре, — соблюдение гендерного равенства и невмешательства в

чужие дела, сохранение личной автономии. Во втором случае японский аспирант, напротив, старается отстраниться от усвоенных в родной культуре стереотипов поведения. Дело в том, что в Японии не существует традиции галантного отношения к даме (или демонстрации такого отношения), сводящейся в современных российских условиях к готовности мужчины подать даме пальто, придержать дверь, уступить место, поднести тяжелые вещи. В дальневосточных странах скорее женщина уступит мужчине место в общественном транспорте, особенно старшему по возрасту, или добровольно возьмет на себя тяжелую или неприятную работу.

Методическим требованием при конструировании культурных ассимиляторов взаимодействия временных мигрантов-иностранцев с местными жителями российского мегаполиса была интерпретация ситуации с точки зрения типичного представителя культуры большинства. Поэтому в первом примере вопрос был поставлен следующим образом: «Почему пожилая женщина стала требовать, чтобы молодой человек встал и открыл дверь для девушки?» С точки зрения российских пассажиров молодой американец был единственным представителем мужского пола в маршрутном такси, кроме водителя, и поэтому пассажирка обратилась именно к нему. В данной ситуации пожилой пассажирке было в принципе не важно, откуда приехал молодой человек. Вряд ли она догадывалась, что в США давно уже не принято галантное поведение мужчин по отношению к женщинам в силу старомодности этой традиции и борьбы женщин за равноправие. В случае необходимости физической помощи российские женщины, как правило, рассчитывают на обязательную поддержку со стороны мужчин. В соответствии со стереотипным распределением гендерных ролей в традиционной России мужчины должны заниматься материальным обеспечением семьи и физической работой, а женщины — воспитывать младших и заботиться о других людях: их здоровье, питании, эмоциональном состоянии. Многие петербуржцы руководствуются этим стереотипом повседневного поведения и в наши дни.

Заметим, что типичный россиянин никогда не поступил бы, как американец или японец в вышеприведенных примерах. Культурная компетентность и социальная адекватность, воспитываемые в детском возрасте в процессе инкультурации, позволяют носителям культуры с оптимальной точностью реагировать на поведение окружающих людей в тех или иных ситуациях. Трудно представить молодого россиянина, не отозвавшегося на просьбу женщины помочь открыть дверь, так же как и оставшегося стоять под проливным дождем, пропуская в салон автобуса всех желающих войти женщин. В процессе эмпирического исследования обнаружилась любопытная особенность аккультурации западных и восточных участников-иностранцев. Так,

западные мигранты склонны видеть многие сложности своей аккультурации в недостатке культуры местных жителей, тогда как восточные прикладывают максимальные усилия для успешного приспособления к культурной специфике принимающего общества, иногда даже в ущерб собственным интересам и представлениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тангалычева Р.К.* Культурный ассимилятор как средство адаптации иностранных граждан к жизни в российском мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. № 1. С. 160–178.
2. *Тумина Л.Е.* Невербальная коммуникация // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник / Отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М.: КРПА «Олимп», 2005. С. 570–582.
3. *Hofstede G.* Culture and organization: Software of the mind. London: McGraw-Hill, 1991.
4. *Redfield R., Linton R., Herskovits M.J.* Memorandum for the study of acculturation // American Anthropologist. 1936. Vol. 38. P. 149–152.